

Посвящается Кену

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

Глава 1

Я лежу на полу и против воли смотрю, как скверная актриса из рекламы обезболивающего рассказывает о своих фальшивых муках.

«То, что моя боль не видна, — жалобно говорит она в камеру, — не означает, что ее не существует». А потом корчит гримасу, которая, вероятно, должна олицетворять ее незримые страдания. Отчаянно морщится, будто борется с запором или переживает яростный, но мимолетный оргазм. Сжимает губы в тонкую линию. Тусклые глаза ее с укором взирают куда-то вдаль — на бога, наверное. В лице ни кровинки — и вот это выглядит довольно убедительно, хоть я и понимаю, что подобный эффект достигается искусным гримом и правильно выставленным светом. С помощью искусного грима и правильно выставленного света чего угодно можно добиться, мне ли не знать.

Теперь актриса судорожно трет плечо — очевидно, именно там и живет ее невидимая боль. Но по лицу сразу видно, что это ей нисколько не помогает. Разумеется, боль по-прежнему на месте, гнездится глубоко внутри. И нам немедленно демонстрируют это самое «внутри». На экране появляется прозрачное человеческое тело, центральную нервную систему в котором изображает тревожно-алая паутина. Она мигает, как елочная гирлянда. Видимо, потому что находится сейчас в

диком напряжении. Вот отчего эта женщина так страдает. Нам снова показывают ее пепельно-серое лицо. Бедняжка корчится от боли во дворе своего загородного дома. А белокурые детишки виснут на ней, как развеселые дьяволята. Им-то невдомек, какие мучения доставляет матери алеющая у нее внутри паутина. Актриса умоляюще смотрит в камеру — вернее, прямо на меня. Реклама ведь контекстная, мне показывают ее на основании моих поисков запросов, ключевых слов, которые я неделями вбивала в «Гугл» в ту пору, когда еще надеялась поставить себе диагноз. Несчастливая измученная женщина глядит на меня в отчаянии. Ей очень нужно от меня кое-что. Очень нужно, чтобы я поверила в то, что ей больно.

Но, разумеется, я не верю.

* * *

Я лежу на покрытом колючим ковролином полу, задрав ноги под прямым углом к телу. Мои икры покоятся на жестком сиденье офисного кресла, ступни свисают с края. Одна рука на сердце, другая — на животе. В зубах дымится сигарета. В распахнутое окно, закрыть которое мне не по силам, влетают снежинки и опускаются на лицо. Предполагается, что такая поза должна снять нагрузку со спины и позволить мышцам правой ноги расслабиться. Кулак, стискивающий мою лодыжку под коленом, разожмется, и, поднявшись, я смогу распрямить ногу и не ковылять больше, как Ричард Третий. Если верить Марку, стоит мне полежать вот так, дать себе отдых, «взять у жизни тайм-аут», как мне сразу же станет легче. Я думаю о Марке. Марке — короле сухих игл и серебристых медицинских инструментов, Марке, своем в доску парне, чье лицо — воплощенная железобетонная уверенность в собственной правоте, обрамленная модной стрижкой. Марке, который всегда по-

нимающе кивает на все мои жалобы, словно каждая из них — лишь этап великого восхождения, которое мы с ним совершим рука об руку.

Я лежу в предписанной позе, но легче мне не становится. Все левое бедро до самого колена по-прежнему медленно тлеет. Правая нога все такая же окаменелая, а ступню, хоть она и болтается в воздухе, кажется, вот-вот расплющит давящая на нее тяжесть. Она словно оказалась под ножкой стула, на котором расселся необъятных размеров толстяк. Он настоящий садист. Улыбается мне, и на лице у него написано: «Я никогда отсюда не встану. Навечно застряну в этом якобы колледже, в котором ты якобы преподаешь. На этой твоей кафедре театроведения, занимающей две унылые комнаты в здании факультета английского языка. В этом твоём, как его, «кабинете»? Весьма замызганном, между прочим».

А этажом ниже, в жалком подобии театра, меня ждут студенты.

«Где вообще мисс Фитч?»

«Она вроде уже должна была прийти, разве нет?»

«У нас же репетиция через... Да вот прямо сейчас».

«Может, заболела?»

«Или напилась? Или колес своих наглоталась?»

«Или сошла с ума?»

Так и представляю себе своих студентов. Вот они, сидят на краю сцены, болтая своими длинными стройными ногами. Юные лица их светятся здоровьем, словно они — порождение самого солнца. Они сидят там и ждут, когда я, согнувшись в три погибели, проковыляю через двойные двери. Сидят и вполголоса меня проклинаят, готовые в любую минуту устроить бунт. Но пока я лежу на полу и смотрю на женщину с лицом «поверьте-я-ужасно-страдаю», этого не случится. Я и сама не раз корчила такую гримасу. Перед мужчинами в белых халатах, за спинами которых маячили толстые медсестры с мертвыми глазами. Перед мужчинами

в голубых форменных поло, норовящих показать мне мультфильм про боль, живущую исключительно у нас в голове. Перед мужчинами в синих врачебных одеяниях, делавших мне инъекции в позвоночник и имевших неограниченный доступ к «валиуму». Перед участливыми медбратьями с глазами Бемби, которые поначалу охотно хватали ручки и принимались резво записывать с моих слов историю болезни, но через время роняли их и начинали зевать, заплутавши в темных дебрях моих рассказов, которые никак не желали заканчиваться.

«Я совсем потеряла надежду, — говорит женщина из рекламы, — но потом доктор прописал мне «искоренин»».

Тут на экране появляется подсвеченная волшебным белым светом таблетка. Одна половинка — желтая, как логотип популярнейшего американского фастфуда, другая — голубая, как форменное поло реабилитолога. Того, например, который как-то заявил мне про это самое лекарство: «Оно наверняка вам поможет». В углу его кабинета жался интерн/летописец и тщательно фиксировал наш диалог в ноутбуке, время от времени со страхом поглядывая на меня. А я стояла, потому что сидеть в то время физически не могла, возвышалась над ними обоими, как искривленное ветром дерево. Пачка этих таблеток до сих пор валяется где-то в ящике для нижнего белья среди стрингов и кружевных чулок, которые я больше не ношу, потому что внутри у меня все умерло.

Пытаюсь нажать кнопку «плей» в нижнем левом углу экранчика «Ютьюб», чтобы убрать этот жуткий ролик и включить тот, который я изначально собиралась посмотреть. «Все хорошо, что хорошо кончается» — пьеса, которую мы со студентами ставим в этом семестре — акт первый, сцена первая. Судьбоносный монолог Елены.

Ничего. В воздухе по-прежнему крутится желто-голубая таблетка.

«Воспроизведение начнется после рекламы», — обещает мне маленький прямоугольник в нижнем углу экрана. Выхода нет. Остается только лежать и слушать, как «искоренин» возвращает людям надежду. Кажется, это единственное обезболивающее, которое я не стала пробовать, испугавшись описанных в инструкции побочных эффектов. Куда деваться? Расслабься и смотри, как дрянная актриса идиллически раскатывает на велосипеде вместе с любезным симпатичным мужчиной, своим фальшивым мужем. Явно надежный парень, даже клетки на его рубашке внушают уверенность в завтрашнем дне. Чем-то смахивает на мужика с упаковки бумажных полотенец, которые я покупаю в тщетной надежде расшевелить увядшую похоть. И на моего бывшего мужа Пола. Разница только в том, что этот улыбается своей фальшивой жене. А не качает головой и не говорит: «Не знаю, Миранда, честно сказать, ты ставишь меня в тупик».

Тук-тук. В дверь стучат.

— Миранда?

Я затягиваюсь сигаретой. Теперь нам демонстрируют романтическое свидание. Актриса и ее фальшивый муженек ужинают в ресторане при свечах. Жрут устриц, чтобы отпраздновать ее возвращение из страны мертвых. Хлещут шампанское, поднимая тосты за ее вновь обретенное здоровье, забыв о том, что сочетать этот препарат с алкоголем строжайше запрещено. Он встает из-за стола и протягивает ей руку, приглашая потанцевать. А ее переполняют эмоции. В глазах блестят слезы. И вот эта женщина танцует, отрывается вместе со своим благоверным на дискотеке, существующей только в рекламе обезболивающих. Музыка нам не слышно. Предполагается, что зритель (я) сам вообразит ее себе, пока ласковый, благостный, не обремененный моральными терзаниями голос перечисляет возможные побочные эффекты лекарства, включающие почечную недостаточность и некоторые виды рака крови.

— Миранда, ты здесь? Пора начинать репетицию.

Мне стыдно за эту актрисулю, так неубедительно изображающую отвязное веселье на танцполе. Стыдно, как преподавателю актерского мастерства, как режиссеру. И все же, глядя, как она кружится со своим фальшивым мужем, растянув губы в фальшивой улыбке, радуясь тому, что избавилась от фальшивой боли, я спрашиваю себя: «А сама-то ты когда в последний раз танцевала?»

Тук-тук.

— Миранда, нужно спускаться.

Пауза, раздраженный выдох. И чудо — удаляющиеся прочь шаги.

А в рекламно-таблеточном мире тем временем наступает вечер. Просто вечер, на этот раз — не романтический. Воскресенье, время побыть с семьей. Актрисуля сидит в палатке со своими фальшивыми детьми, которых каким-то волшебным образом смогла выносить в затынутом паутиной чреве. И муженек рядом — с этим своим бумажно-полотенчатым торсом и улыбкой, как с тюбика зубной пасты. Он всегда рядом, заверяет эта улыбка. Он терпеливо ждал, пока жена вернется к нормальной жизни. Пока ее тело станет чуть больше похоже на человеческое. Герой, настоящий герой, убеждает меня реклама. Вокруг скачут их счастливые отпрыски. Потолок палатки увит рождественскими гирляндами, напоминая изображения рая периода раннего Нового времени. Женщина глядит на детей, на мерцающие огоньки и нежно улыбается. Лицо у нее теперь не дряблое и не серое. Кожа посвежела и приобрела почти нормальный оттенок. Лоб разгладился. Она победила запор, она справилась. Больше того, теперь она красит глаза. И мажет губы розовым блеском. А ее нежно-персиковые (румяна?) щеки словно светятся изнутри. Она даже в моде стала лучше разбираться. Потому что отныне ей не плевать, что на ней надето.

Ведь боль больше не мучает ее. Там прямо так и написано большими блестящими белыми буквами: «НЕТ БОЛЬШЕ БОЛИ».

Но я не верю. Все это ложь! «Врете вы!» — говорю я экрану. А потом плачу. Плачу, хотя в посетившее актрису счастье поверила не больше, чем в сведавшую ее боль. Дурацкая слезинка выкатывается из глаза, стекает в ухо и плещется там, обжигая кожу. Этой нежно улыбающейся тетке, этой скверной актрисе все-таки удалось меня пронять. Вся левая нижняя часть моего тела медленно тлеет. Поясницу стискивает кулак. Толстый мужик поудобнее усаживается на стоящем на моей ступне стуле, разворачивает газету и читает котировки акций.

Но вот, наконец, начинается мой ролик. Тот самый, которого я ждала. Тот, где Елена произносит свой монолог, говорит — да, во вселенной все предreshено, но я смогу это изменить.

И в ту же секунду экран ноутбука гаснет. На черном фоне появляется и исчезает изображение разряженной батарейки.

Я представляю себе шнур питания, лежащий в черном мешочке на моем письменном столе, — серый и тусклый, как отстриженный волос ведьмы. Потом перевожу взгляд на розетку, расположенную за столом, — низко-низко, у самого пола. Воображаю, как встаю, вынимаю шнур, наклоняюсь и втыкаю в нее вилку.

А сама все лежу. И смотрю в черный экран, захвачанный моими собственными пальцами.

На лицо все так же сыплется снег из распахнутого окна, закрыть которое я не могу, потому что мне больно наклоняться. И пускай сыплет. Я закрываю глаза. И курю. Научилась курить с закрытыми глазами — уже что-то.

Лицо овеивает ветер. «Я умираю, — думаю я. — Умираю в тридцать семь лет».

Толстяк, сидящий на установленном на моей ступне стуле, смотрит на меня, приподняв очки. И прихлебывает что-то похожее на шерри. «Твое здоровье», — скалится он. Очень довольный. Потом устраивается поудобнее и снова утыкается в газету.

Я протестующе качаю головой. И шепчу — ему и собственным сомкнутым векам: «Нет! Я хочу вернуть свою жизнь! Хочу вернуть ее!»

— Эй, Миранда, ты тут? Миранда?

Кто-то негромко стучит в полуоткрытую дверь. И снова раздается голос, от которого я невольно внутренне подбираюсь. Ярче вспыхивает пламя, крепче сжимаются кулаки, толстый мужик поднимает взгляд от газеты. Как звонко звенят в этом голосе нью-эйджевские колокольчики. Сколько в нем притворной заботы, показного утешения и тщательно продуманной стратегии. Этот голос частенько звучит в моих кошмарах. Голос Фов. Самопровозглашенного музыкального руководителя. Моего помощника. И врага.

— Миранда? — окликает этот голос.

Я не отвечаю.

А она, должно быть, обдумывает сложившуюся ситуацию. Может, ей даже видны мои торчащие над столом ступни.

— Миранда, ты там? — снова пытается достучаться до меня она.

Я все так же молчу. Ну да, спрячусь. И что?

Наконец, я слышу, что она уходит. Тихие шаги удаляются прочь. Я вздыхаю с облегчением.

Но тут раздается новый голос. Решительный. Резкий. И все же не лишенный любви. Или мне просто хочется так думать.

— Миранда?

— Да?

Грейс. Моя коллега. Моя ассистентка. Моя... в последнее время я не решаюсь сказать «подруга». Мы с

ней — единственные преподаватели некогда процветавшей, а ныне прозябающей институтской программы театроведения. Те самые сучки с факультета английского языка. Руководство безжалостно порезало нам учебные планы, оставив от них жалкие крохи. И это наша с Грейс общая боль. Разница в том, что у Грейс должность постоянная. А я, вот уже четыре года занимающая в колледже место доцента, нахожусь в куда более шатком положении.

— Где ты? — спрашивает она.

— Тут, — отвечаю я.

Наконец-то заметив меня, она решительно топает к моему столу. На ногах у нее «Тимберлэнды», хотя никаких гор в округе и близко нет. А поверх кофты, разумеется, надет охотничий жилет. Камуфляжный и, скорее всего, непромокаемый. Грейс всегда одета так, будто вот-вот прицелится и со спокойной совестью метко подстрелит добычу. Или же отправится в долгий опасный поход по горам. И каким бы ни был коварным и сложным рельеф, нога ее во время восхождения ни разу не оступится. Она еще и насвистывать станет себе под нос. А своим топотом распугает всех хищников в округе. Однако сейчас он приближается ко мне — этот символ ее несокрушимого здоровья, от звука которого у меня душа уходит в пятки. Глаз я не открываю. И пытаюсь силой мысли заставить ее уйти. Интересно, получится?

Нет.

Ботинок замирает возле моей головы, почти упираясь носком в висок. Сейчас как поднимет ногу да наступит мне на лицо. Может, где-то в глубине души Грейс этого и хочется. Ведь именно так полагается поступать со слабаками. Она у нас из первопоселенцев, из древнего пуританского рода. Это ее прародительницы сжигали на кострах ведьм. Женщины, не знавшие простуд. Крепкие, несгибаемые, крутобедрые. Не дававшие спуску соплячкам, бездельницам и любитель-